

ности. Среди различных социальных групп и слоев общества молодежи первой приходится делать самостоятельный выбор нравственных, политических, профессиональных и духовных ориентиров своего личностного становления. Демократизация общественной жизни создает возможности для включения человека в процессы преобразований и, соответственно, требует формирования социально активного гражданина.

Современная система образования является важнейшим институтом социализации личности, который должен обеспечить ее эффективную адаптацию в социуме. В условиях переживаемых нашей республикой социально-экономических и политических преобразований актуальной является задача формирования личности, осознающей свои социально-политические интересы и права и занимающей активную социальную позицию, обладающей высокой политической культурой.

Что же касается современной белорусской молодежи, то, как отмечают многие политологи, большинство молодых людей не определило своего специфического места в политике, не нашло конкретных форм участия в ней. Они занимают либо выжидательную, либо безразличную позицию. Вместе с тем, борьба за молодежь со стороны различных партий и движений, не прекращается. И в этой связи процесс политического самоопределения молодежи становится особенно актуальным.

Особая роль в этом процессе принадлежит таким образовательным учреждениям, как университеты, институты с гуманитарной направленностью, где молодые люди расширяют свой политический кругозор, изучая общественные науки. Очевидно, что в качестве важнейшего приоритета развитие современного общества выдвигает человеческую индивидуальность. Исходя из этого, университетское образование должно быть направлено на развитие личности студента, обладающего, в том числе, развитой политической культурой.

Политическая культура способствует включению индивида в политическую систему и в этом смысле она – универсальное средство его политической социализации. Процесс политической социализации представляет собой, с одной стороны, усвоение индивидом политических норм и ценностей общества, к которому он принадлежит, с другой, приобретение им политического опыта и политических ориентаций, требуемых для участия в политической жизни.

В объективном смысле политическая культура – это исторический опыт, память общества в политической сфере, которая определяет политическое сознание и поведение политических субъектов. И в этой связи процесс политического самоопределения молодежи становится особенно актуальным.

Список цитированных источников

1. Основы политологии. Краткий словарь терминов и понятий. – М., 1993.
2. Пригожин, И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6.

КОНСЕРВАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ИНТЕРЬЕРЕ РЕАЛИЙ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Стрелец М.В.

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Термин «консерватизм», как и «либерализм», имеет иностранное происхождение. Во французском языке *conservatisme*, а в латинском *conservare* означает охранять, сохранять. Что же охраняют и сохраняют консерваторы?

«Консерватизм как политическая идеология являет собой не только систему охранительного сознания, предпочитающую прежнюю систему правления (независимо от ее целей и содержания) новой, но и весьма определенные ориентиры и принципы

политического участия, отношения к государству, социальному порядку и т.д.» [1]. Из самого определения консерватизма вытекает, что он мог появиться там и тогда, где и когда либерализм переставал выполнять социальный заказ. Известно, например, что Великая Французская революция 1789 г. происходила под знаменем либеральных идей. В первые постреволюционные годы французские реалии никак не работали на либерализм. Альтернативу последнему весьма активно стал предлагать Э. Берк, к которому затем присоединились Ж. де Местор, Л. де Бональд. Все трое были едины в следующих убеждениях:

Во-первых, общественное развитие цементируется преемственностью и, естественно, именно преемственность представляется высшим приоритетом в этом развитии. Все другие приоритеты, включая инновацию, занимают в соответствующей шкале более низкое место. Во-вторых, не может быть альтернативы для того status quo, которое является результатом естественных процессов. В-третьих, иерархия в социуме – это данность, исходящая от надсоциальных; надприродных сил. В свете настоящей данности следует рассматривать наличие в социуме двух сегментов: 1) привилегированного сообщества; 2) непривилегированного сообщества. В-четвёртых, считая ключевыми опорами общественного бытия семью, религию, собственность, Э. Берк, Ж. де Местор, Л. де Бональд одновременно рассматривали их как объект действия незыблемых моральных регуляторов. В-пятых, охраняя, сохраняя перечисленные выше позиции, консерватизм консолидирует общество, делает его по-настоящему стабильным, детерминирует передачу новым поколениям именно стабильного, консолидированного общества. Безусловно, вопрос о том, какое общество передаёт одно поколение другому, – это вопрос, имеющий прежде всего моральную природу. Это – вопрос о выполнении морального долга. Консерваторы считают, что настоящий долг невозможно выполнить, делая акцент на индивидуальную свободу, придерживаясь твёрдой веры в общественный прогресс.

«На основе этих фундаментальных подходов сформировались и окрепли характерные для консервативной идеологии политические ориентиры, в частности отношение к конституции как к проявлению высших принципов (которые не могут произвольно изменяться человеком), воплощающих неписаное божественное право, убежденность в необходимости правления закона и обязательности моральных оснований в деятельности независимого суда, понимание гражданского законопослушания как формы индивидуальной свободы и т.д. И это заставляло консерваторов сомневаться в ценностях эгалитаризма, препятствовало отождествлению демократии со свободой и эффективным управлением обществом» [1].

Следует иметь в виду, что первоначально консерватизм отвечал на вызовы индустриальной цивилизации. У неё, как и у любой цивилизации? были своя логика, свои ценности, свои институты. Среди её несущих конструкций ключевой была бизнес-элита, которую удовлетворял тот вариант взаимоотношений между государством и народнохозяйственным комплексом, который исключал вмешательство властных структур в этот комплекс. Не видя альтернативы свободному рынку, конкуренции, анализируемая идеология, выполняя социальный заказ бизнес-элиты, отвергла тот вариант подобных взаимоотношений, который по определению был несовместим с этими ключевыми моментами индустриальной цивилизации. Кстати, убеждение в подобной несовместимости присутствовало и у либералов.

При ретроспективном обращении к консерватизму оказывается, что и его идеологическая платформа точно так же не оставалась абсолютно неизменной, как и у либерализма. В этом несложно убедиться, предприняв анализ идейного ландшафта начала и второй половины XX в. И в первом, и во втором случаях речь шла о дифференциации внутри консерватизма.

В первом случае консерватизм отвечал на тупики индустриальной цивилизации. В процессе поисков соответствующих ответов консервативный сегмент идейного ландшафта стали заполнять антисемитизм, расизм, иррационализм, национализм. В этих принципиально новых течениях прослеживались однозначное, исключение народовластия как модели функционирования политической системы, умаление прав субъектов социума в силу их социального происхождения, этнической принадлежности. Содержание данных течений никак не стыковалось с тем обстоятельством, что до нач. XX в. консерватизм постоянно позиционировал себя предложением политических по своей природе инструментариев для снижения социальной напряжённости. Основоположники указанных течений считали, что настало время заменить настоящие инструментарии силовыми. Несомненно, динамика общественного прогресса совпала с появлением консервативных течений, которые никак не назовёшь прогрессивными.

Консерватизм не мог оставаться неизменным и после Второй мировой войны. Ему было необходимо оперативно и адекватно реагировать на рост притягательности либеральных и социалистических идей. По вопросу об оптимальной модели общественного развития позиционировали как традиционный консерватизм, так и его новые модификации. Новое поколение идеологов консерватизма стремилось убедить субъектов социума в том, что предлагаемый им вектор общественного развития по своему характеру не является ни либеральным, ни социалистическим. К этому поколению относились А. Гелен, Х. Шельски, Г. Фрейер, с именами которых отождествлялся технократический консерватизм. У анализируемого течения всё чаще появлялись национальные формы. Впервые заполнилась ниша для христианско-католического консерватизма. Заявили также о себе приверженцы «реформаторского» консерватизма. Идейный багаж консерваторов обновился по следующим позициям.

Во-первых, произошли очевидные подвижки во взглядах на отношения между властными структурами и народнохозяйственным комплексом. Было согласие с тем, что в этих отношениях должен присутствовать момент государственного вмешательства. Консерваторы впервые перестали противиться тому, чтобы корпус субъектов управления производством пополнялся за счёт работников. Вместе с тем перечисленные «идейные течения решительно ставили вопрос об укреплении законности, государственной дисциплины и порядка, не признавали инициированных реформ» [1].

Во-вторых, участвуя в поисках оптимальной модели функционирования политической системы, «консерваторы... предлагали... дополнить выборность народных представителей выдвижением в органы управления наиболее «достойных» (с точки зрения властей) граждан» [1].

Следующий этап в истории консерватизма связан с постиндустриальной цивилизацией. Эта цивилизация принесла с собой целый круг вызовов, на которые чрезвычайно сложно было оперативно дать рационально осмысленные ответы. Не удивительно, что часть идеологов консерватизма пошла по линии наименьшего сопротивления и стала объяснять новые реалии с иррациональных позиций, предлагая при этом явно неконструктивную платформу действий. Типичный образец такого подхода – идейные воззрения французских «новых правых».

Другая часть консерваторов пошла по принципиально иному пути. Эта часть, названная неоконсерваторами, убедительно профилировала себя в связи с извлечением уроков из мирового экономического кризиса 1973–1974 гг. Они первыми заявили о том, что жёсткая ориентация на теоретическое наследие Д. Кейнса, которая была характерна для Западной Европы до начала 1970-х гг., в посткризисный период была бы контрпродуктивной. Заимствуя всё больше идей у либералов и сохраняя при этом базовые ценности консерватизма, неоконсерваторы выработали эффективную линию в отношении протестных настроений молодёжи Старого Света, беспрецедентный размах которых стал ключевым источником социальной напряжённости в ряде стран.

Идеологи неоконсерватизма своевременно попытались дать ответ на вопрос: «Есть или нет равновесие в системах, в которые вовлечён человек?» Оказалось, что человек не ощущает такого равновесия ни как субъект природы, ни как субъект социума. Его непосредственно затрагивают беспрецедентные по своей динамике изменения, которые никак не могут иметь в качестве своего логического продолжения равновесие духовных, экологических систем. Именно такой динамике подвержены стили жизни, жизненные стандарты, материальные и духовные потребности людей. В условиях научно-технической революции кардинально изменились субъектно-объектные отношения по линии человек – техника. Нет уже ни одной сферы бытия, в которой человек не являлся бы заложником технической среды.

«В этих условиях неоконсерватизм и предложил обществу духовные приоритеты семьи и религии, социальной стабильности, базирующейся на моральной взаимответственности гражданина и государства и их взаимопомощи, уважении права и недоверии к чрезмерной демократизации, крепком государственном порядке и стабильности. Сохраняя внешнюю приверженность рыночному хозяйствованию, привилегированности отдельных страт и слоев, эти ориентиры были четко направлены на сохранение в обществе и гражданине чисто человеческих качеств, универсальных нравственных законов, без которых никакое экономическое и техническое развитие общества не заполнит образовавшегося в людских душах духовного вакуума.

Основная ответственность за сохранение в этих условиях человеческого начала возлагалась на самого индивида, который должен прежде всего рассчитывать на собственные силы и локальную солидарность сограждан» [1]. В этой связи принципиально важно подчеркнуть, что неоконсерватизм чётко определился на предмет возможной причастности властных структур к удовлетворению потребностей индивида. Изложенная «позиция должна была поддерживать в нем жизнестойкость и инициативу и одновременно препятствовать превращению государства в «дойную корову», развращающую человека своей помощью. Эта модель отличалась от либеральной, сориентированной на предоставленного самому себе индивида, которому надлежит самостоятельно отыскивать смысл бытия, «договариваться» с государством и т.д. Государство неоконсерваторов должно было основываться на моральных принципах и сохранении целостности общества, обеспечивать необходимые индивиду жизненные условия на основе законности и правопорядка, предоставляя возможность образовывать политические ассоциации, развивая институты гражданского общества, сохраняя сбалансированность отношений общества с природой и т.д. И хотя предпочтительным политическим устройством для такой модели взаимоотношений гражданина и государства становилась демократия, все же основные усилия теоретики неоконсерватизма (Д. Белл, З. Бжезинский, Н. Кристолл и др.) тратили на разработку программ, преодолевающих дефицит управляемости обществом (из-за чрезмерного вовлечения в политику населения), защищающих государство от социальных «перегрузок», модернизирующих механизмы защиты элитизма, совершенствующих средства урегулирования конфликтов и проч.» [1]. Важно иметь в виду, что в соответствующей группе теоретиков чётко прослеживалась градация, зависящая от региональной принадлежности. «В американских версиях неоконсерватизма акценты, как правило, делались на определении путей эволюции государственности и организации власти, в то время как в западноевропейских течениях предпочтение отдавалось сохранению социокультурной среды; усовершенствованию нравственных традиций общества и стимулированию социальной активности индивида» [1].

Известно, что ключевыми экономико-политическими вопросами постиндустриальной эры были следующие: 1) как обеспечить экономический рост? 2) что следует сделать для того, чтобы политическая стабильность стала нормой? Отвечая на них, тео-

ретики неоконсерватизма вынуждены были решать уравнение со многими неизвестными. Важно было оперативно определиться с местом планирования в шкале приоритетов государственной экономической политики, предложить оптимальный вариант минимизации безработицы, своевременно оценить плюсы и минусы позитивной динамики благосостояния. К сожалению, в соответствующих программах не прописывалась жизнеспособная рецептура по противодействию значительному увеличению денежной массы сверх потребностей товарного обращения, снижению уровня жизни среднестатистического гражданина. «Однако по сравнению со способностью (неоконсерватизма. – М.С.) дать человеку относительно целостную картину мира, отвечающую его основным нуждам и запросам, все эти частности отходили на второй план. Главное, что неоконсерватизм, согласовав рациональное отношение к действительности с моральными принципами, дал людям ясную формулу взаимоотношений между социально ответственным индивидом и политически стабильным государством:

Неоконсерватизм обнажил те черты консервативной идеологии и образа мысли, которые сегодня оказались способными защитить человека на новом технологическом витке индустриальной системы, определить приоритеты индивидуальной и общественной программ жизнедеятельности, очертить облик политики, способной вывести общество из кризиса. Более того, на такой идейной основе неоконсерватизм синтезировал многие гуманистические представления не только либерализма, но и социализма, а также ряда других учений» [1]. Неоконсервативный сегмент в современном идейном ландшафте в целом является значительным. Можно однозначно прогнозировать увеличение его удельного веса. Вместе с тем неолиберальные по своему идеологическому профилю субъекты политического процесса имеют более широкую электоральную базу, чем неоконсервативные. Из этого вытекает гораздо более частая представленность неолибералов во властных структурах. Для показа полноты картины важно также иметь в виду и мощные позиции неоконсерваторов в отдельных странах, которые играют чрезвычайно важную роль в мировой политике. Так, республиканская партия много раз была правящей в США, либерально-демократическая партия на протяжении полувека имела такой же статус в Японии, консервативная партия является главной в нынешнем британском правительстве.

Список цитированных источников

1. Основные идеологические течения в современном мире //Vuzlib: экономико-правовая библиотека [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: www.vuzlib.net/beta3f.../26063/. – Дата доступа: 14 марта 2010 года.

ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Сытник А.И.

Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина

Способность к модернизации является условием успешного развития общества, что подтверждается как историей, так и современной практикой. Но дискуссионным остаётся вопрос о сущности модернизации, её универсальности и многообразии форм.

Сложности в понимании понятия «модернизация» связаны с разными сферами его использования. Данный термин употребляется и в быту и в конкретных узких ситуациях (модернизация дороги, предприятия, издания и пр.).

Широко употребляется это понятие относительно публичной администрации или её отдельных частей. В сочетании с понятиями инновация, технологизация, информатизация и другими, слово «модернизация» употребляется для обозначения «осовременивания» публичной администрации.